

В сердце Цзин Шо Дуань Юньшэнь всегда относился к этому делу с особой серьёзностью, надеясь, что сейчас это сможет отвлечь его и успокоить беспокойный ум.

Дуань Юньшэнь: ...

Но вместо того чтобы успокоиться в этом поцелуе, он вдруг вспомнил кое-что другое.

В этот момент он словно что-то понял и, после того как Цзин Шо поцеловал его, спросил:

— Так... они не придут, даже если их позовут?

Эти слова прозвучали почти как монолог.

Дуань Юньшэнь:

— Потому что Ваше Величество из-за меня рассорились с Великой вдовствующей императрицей, поэтому врачи из Императорской лечебницы не придут, даже если их позовут?

Цзин Шо: ...

Цзин Шо усмехнулся, закрыл глаза и с бледным лицом произнёс:

— Любимая наложница слишком высокого мнения о себе. Дела между мной и моей бабушкой мало касаются тебя, и к тому же это не влияет на то, придут ли врачи.

Это нельзя было назвать ложью, ведь это лекарство использовалось на Цзин Шо ещё до того, как Дуань Юньшэнь появился в его жизни.

Сейчас, если позвать врачей, они, конечно, придут, ведь он всё ещё носит титул императора. Но их приход будет бесполезен, а Великая вдовствующая императрица сможет догадаться о его нынешнем положении.

Хотя Дуань Юньшэнь не был настолько умен, чтобы связать состояние тирана с этим «медленным ядом» — он всегда думал, что это лекарство постепенно ослабляет Цзин Шо, пока тот не умрёт от болезни, поэтому он несколько раз пытался помешать тирану его пить, — но он всё же мог догадаться, что нынешнее состояние Цзин Шо как-то связано с ним самим.

По крайней мере, это было связано с тем, что он когда-то ослушался Великой вдовствующей императрицы.

Осознав это, Дуань Юньшэнь вдруг почувствовал растерянность и беспомощность.

Ведь он только что понял, что задолжал Цзин Шо огромный долг.

Тиран страдал так сильно из-за него.

Дуань Юньшэнь был человеком, который медленно сближался с людьми, если говорить прямо — он был немного бесчувственным, что-то вроде природной черствости.

Он был добродушным и относился ко всем неплохо. Но большинство людей так и оставались на уровне «неплохо», не приближаясь к нему ближе.

С тех пор как он оказался здесь, у него не было амбиций, он не стремился к борьбе, не общался с людьми, не участвовал в дворцовых интригах, и до сих пор у него не было ни одного друга, но

он и не считал это чем-то странным.

Хотя он постоянно возился с Цзин Шо, основная причина заключалась в ежедневной задаче — поцеловать его, иначе он умрёт.

Он был добр к людям, но каждый человек для него был лишь проходящим мимо.

Теперь, глядя на Цзин Шо в таком состоянии и понимая, что этот человек страдает из-за него, он просто не знал, что делать.

Как он сможет отплатить за такой огромный долг?

— Ваше Величество, вы... вы... где болит? — беспомощно спросил Дуань Юньшэнь.

Цзин Шо не ответил.

Это не было болью.

Лучше бы это была боль, терпеть боль легко.

Сейчас же казалось, будто каждый кусочек его кожи и мышц изнутри переворачивался, ползал и грыз.

Цзин Шо:

— Со мной всё в порядке, спи.

Дуань Юньшэнь послушно лёг обратно, на этот раз обняв Цзин Шо и начав гладить его по спине, а затем перешёл к массажу живота.

Он не знал, где именно Цзин Шо было плохо, и действовал наугад, надеясь, что хотя бы немного облегчит его состояние.

Дуань Юньшэнь беспорядочно размышлял: если он сейчас пойдёт к этой старой ведьме и выпьет противозачаточный отвар, сможет ли он взамен вернуть врача для тирана?

Цзин Шо:

— Не думай ни о чём, просто спи со мной.

Цзин Шо не знал, о чём думал Дуань Юньшэнь, но почувствовал, что тот стал очень беспокойным.

Дуань Юньшэнь:

— Я...

Цзин Шо:

— Спи.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо действительно был слишком слаб, чтобы говорить больше.

Дуань Юньшэнь обнял его и, вероятно, из-за крайнего беспокойства и страха, что с ним что-то случится, неосознанно прикоснулся губами к макушке Цзин Шо.

Это был его первый поцелуй, который не был выполнен ради задачи.

Он обнимал его, и ему было сложно просто лежать и ничего не делать.

В растерянности он почувствовал, что должен что-то предпринять, и начал думать, что именно он может сделать.

Размышляя, он вдруг решительно встал с кровати.

Цзин Шо: ...

Почему этот человек такой беспокойный? Он попытался удержать его, но сейчас он был слаб, как больной кот, а Дуань Юньшэнь был непреклонен, и Цзин Шо не смог его остановить.

Дуань Юньшэнь встал с кровати, резко уложил Цзин Шо обратно и, не раздумывая, поцеловал его в лоб.

Этот поцелуй он сделал не задумываясь, просто потому что захотел.

— Если будете продолжать двигаться, я свяжу Ваше Величество!

Цзин Шо: ...

Дуань Юньшэнь снова поцеловал его.

— Так ждать нельзя, позвольте мне сделать что-то для вас.

Цзин Шо:

— ...Что ты можешь сделать для меня?

Дуань Юньшэнь задумался.

Наверное... что-то вроде просьбы о лекарстве под дождём?

Сначала пусть Сяо Гоуцзы проведёт его в Императорскую лечебницу, ведь он ещё не использовал свои привилегии как любимая наложница тирана!

Если это не сработает, тогда он пойдёт к старой ведьме, ну что там, всего лишь отвар для предотвращения беременности, максимум — умру от яда, но он уже однажды умирал, так что второй раз будет проще, кто боится!

Дуань Юньшэнь уже собирался уйти, как вдруг услышал звук «щёлк» у окна.

Дуань Юньшэнь: ???

Он обернулся и увидел, как в комнату влетела тень.

...! Это был Ворон.

Без помощи Сян Июэ было нелегко проникнуть во дворец с Хэ Цзюэ, поэтому Ворон пришёл один, что было намного безопаснее. Он несколько дней ждал подходящего момента и только

сегодня смог войти.

Цзин Шо, увидев Ворона, не выразил удивления.

Ворон лишь поклонился Цзин Шо, не произнес ни слова, оставил лекарство и ушёл.

Дуань Юньшэнь: ?????

Что происходит?

Дуань Юньшэнь, увидев, что Цзин Шо собирается принять лекарство, поспешно налил стакан воды.

Когда Цзин Шо принял лекарство, Дуань Юньшэнь осторожно спросил:

— Ваше Величество?

Цзин Шо:

— Просто полежу немного, и всё пройдёт. Ложись рядом со мной.

Дуань Юньшэнь, увидев, что судороги у Цзин Шо действительно прекратились, лёг рядом и обнял его.

— А это что было?

Цзин Шо небрежно ответил:

— ...Теневой страж Хэ Цзюэ.

Хэ Цзюэ???

Это имя звучало знакомо.

Дуань Юньшэнь в уме начал копаться в воспоминаниях и вдруг вспомнил, где он слышал это имя!

Сяо Гоуцзы однажды рассказывал, что у тирана была белая луна!

В рассказе Сяо Гоуцзы их история была словно из театральной пьесы, полной тоски и печали. Если он не ошибается, ту белую луну, кажется, звали Хэ Цзюэ.

Почему его теневой страж пришёл ночью, чтобы принести лекарство Цзин Шо?

Неужели история правдива?

Соперник???

Цзин Шо, приняв лекарство, почувствовал себя намного лучше и теперь мог заняться старыми делами.

— Любимая наложница, ты сказал, что свяжешь меня?

Дуань Юньшэнь замер.

Подождите! Наши роли не должны быть поменяны?

Теневой страж твоей белой луны принёс тебе лекарство, разве ты не должен робко объяснять мне это? Разве я не твоя любимая наложница?

Почему ты ведёшь себя как следователь?

К тому же, я ведь не собирался связывать тебя, я хотел спасти тебя! Это было проявление великой любви! У тебя есть другие наложницы, которые готовы на такое?

...О, я забыл, у тебя нет других наложниц.

Дуань Юньхай:

— Ы.

Цзин Шо посмотрел на него.

— Теперь ведёшь себя тихо? А раньше собирался связать меня?

Дуань Юньшэнь поспешно замотал головой.

— Я не осмелился бы!

Цзин Шо:

— Правда?

Дуань Юньшэнь:

— Правда!

Цзин Шо, вероятно, был слишком утомлён, чтобы углубляться в это.

Дуань Юньшэнь подождал немного, решив, что этот инцидент, кажется, исчерпан, и набрался смелости, чтобы задать вопрос, кто для Цзин Шо важнее — белая луна или он.

Этот вопрос звучал очень мелодраматично и провокационно, но он был необходим.

Если я важнее, то я буду преданно следовать за тобой. Если важнее белая луна, то в случае, если я окажусь в беде одновременно с ней, я не смогу на тебя рассчитывать и должен буду спасать себя сам!

...В конце концов, кто бы мог подумать, что рассказ Сяо Гоуцзы, полный преувеличений, окажется правдой? У него действительно была белая луна.

Дуань Юньшэнь глубоко вдохнул, выпрямил грудь, сдержал выражение лица и, с притворной нежностью и обидой в голосе, сказал:

— Ваше Величество, я и Хэ...

Цзин Шо, который только начал приходить в себя после боли, был немного вялым и, услышав голос Дуань Юньшэня, просто промычал:

— М? — без какого-либо угрожающего или устрашающего тона. Но Дуань Юньшэнь, сам себя

напугав, сразу же замолчал, услышав это «м?»!

<http://bllate.org/book/16211/1455720>